

ГЕОПОЛИТИКА В ОБЗОРАХ

Сборник рефератов по избранным статьям в журнале
«Geopolitics» за 2018–2019 годы

— — —

GEOPOLITICS IN REVIEWS

Synopsises of selected articles in journal «Geopolitics»
(2018–2019 years)

ГЕОПОЛИТИКА В ОБЗОРАХ

**Сборник рефератов по избранным статьям в журнале
«Geopolitics» за 2018–2019 годы**

Под общей редакцией *А.Б. Елацкова и Д.Ю. Диденко*

Санкт-Петербург
2020

УДК 327
ББК 66.1std1-21
Г35

Г35

Геополитика в обзорах: сборник рефератов по избранным статьям в журнале «Geopolitics» за 2018–2019 годы [Электронный ресурс] / Под общей редакцией А.Б. Елацкова и Д.Ю. Диденко. – Санкт-Петербург: без издательства, 2020. – 0,5 Мб; 30 с. – Загл. с экрана. [Электронное издание]

Данный сборник подготовлен студентами кафедры региональной политики и политической географии Санкт-Петербургского государственного университета. В него включены краткие обзоры семи статей, выбранных из последних выпусков журнала «Geopolitics». Сборник направлен на популяризацию и выявление тенденций в современной геополитической науке.

Для студентов и преподавателей кафедры, других кафедр общественно-географического профиля и для широкого круга читателей.

УДК 327
ББК 66.1std1-21

© Авторы обзоров, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Люди острова: онтологическая безопасность и критическая геополитика в дискурсе британских парламентариев (<i>Диденко Д.Ю.</i>)	4
Украинский кризис как конфликт из-за политического, экономического порядка и системы безопасности в Европе (<i>Одинец А.А.</i>)	7
Перемещение границы китайско-пакистанского экономического коридора (<i>Панфилов Д.А.</i>)	11
«Огневая мощь»: геополитические культуры в антропоцене (<i>Родионова А.Я.</i>)	15
Посмеемся над этим: эмоциональное и аффективное пространства юмора в геополитике миграции (<i>Туркин В.А.</i>)	19
Малая дипломатия: культурное сотрудничество как фактор смягчения социальной напряженности. случай Львова и его польских городов-партнеров (<i>Чуева Д.С.</i>)	22
Предисловие: возвращение сфер влияния? (<i>Якунинских Е.А.</i>)	27

ЛЮДИ ОСТРОВА: ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И КРИТИЧЕСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА В ДИСКУРСЕ БРИТАНСКИХ ПАРЛАМЕНТАРИЕВ

«The Island Race: Ontological Security and Critical Geopolitics in British Parliamentary Discourse» by Nick Whittaker (University of Sussex)

Geopolitics, Vol. 23, 2018 – Issue 4, p. 954-985

Внешняя политика Великобритании. Ник Виттакер, исследователь из Сассекского университета, задается вопросом, что же определяет ее сегодня, и что формировало в прошлом. Здесь важно обратиться к географии, поскольку роль островного положения в истории страны нельзя переоценить. Но какую роль «Остров» играет сегодня? Насколько в представлении политиков Британия близка с Европой, и готова быть с ней? Или ею? И нужна ли вообще Европа Британии, учитывая опыт времен Британской империи? Для ответов на эти вопросы автор обращается к критической геополитике и онтологической безопасности – чувства правильности и упорядоченности в нынешнем порядке вещей. Ее достижение и является главной целью регулярного «самоосознания» идентичности в трансформирующихся геополитических реалиях и контекстах. Ими выступают Европейский Союз и глобализация, отношение к которым приобретает особое значение на фоне Брексита.

Островной идентичностью называется набор атрибутов, включающий изоляцию от остальной Европы, универсализм, морскую судьбу, в противовес сухопутным державам, что в совокупности дает моральное утверждение метаобщности Великой Британии. «Островность» не статична, и, более того, может существовать лишь взаимодействуя с настоящим. Она представляет собой «островок безопасности» в меняющихся обстоятельствах. Ей присущи гибкие, глобальные позиции, позволяющие снять постоянную озабоченность шотландским или английским национализмом, а в политической борьбе на нее может опереться как правительство, так и оппозиция. В британской политике через ее призму так или иначе познаются и обсуждаются нынешние вызовы, что автор показывает на примере дебатов, посвященных международному положению страны за разные годы.

При анализе дискурса депутатов Вестминстера неизбежно использование методов критической геополитики. Но в наши дни в изучении внешней политики Великобритании, родины Хэлфорда Джона Маккиндера, геополитика играет незначительную роль. Несмотря на утрату имперского статуса, она может быть плодотворно проанализирована с геополитических позиций. Более того, одно описание внешнеполитической проблемы – уже участие в геополитике, поскольку человек косвенно и неявно нормализует конкретный мир. Когда политик ссылается на географию, многократно повторяясь, то такой дискурс придает ощущение нормальности. Однако это не набор нейтральных фактов, а множество радикально неопределенных пространств. В данном случае география одерживает победу над историей, но географические предположения запутывают понимание общественных процессов в географических структурах. Вместо этого в критической геополитике предлагается воспринимать территорию как исторически и географически специфическую форму политической организации и политической мысли. По мнению автора, в понимании «островности» геополитика, ввиду своего тяжелого прошлого, остается на интеллектуальной периферии, но ее роль нехотя признается необходимой для понимания современной политики силы.

Онтологическая безопасность – это безопасность как бытие. Осмысленная внешняя политика опирается на представления об окружающем мире и понимание своего места в нем. Но это не заранее заданная «традиция», а зависящая от интерпретации контекста. В международных отношениях онтологическая безопасность достигается путем установления «предметных позиций» по событиям и проблемам прошлого и настоящего. Фундаментальная часть практики внешней политики заключается в том, как государственные деятели стремятся «дисциплинировать» неоднозначности. Внешнюю политику нельзя воспринимать как серию отдельных заявлений, лишенных социально-исторического контекста, поскольку сама способность делать выбор и «действовать» вообще опирается на стабильную (или представление стабильной) концепцию интересов и ценности.

Важность геополитики в дискурсивных построениях онтологически безопасных предметных позиций, мобилизующих устоявшиеся

национальные идентичности, может быть концептуализирована несколькими способами. Во-первых, есть утверждение, что современная государственность тесно переплетена с геополитикой, так как основной практикой государств является закрепление суверенитета и дисциплинирование космоса. Во-вторых, геополитический дискурс теоретизируется так, что становится особенно привлекательным для практиков государственного управления, за счет предполагаемого нейтралитета географии и последующих за этим коннотаций рациональной правды. Это кажется «взглядом из ниоткуда» геополитики, но на самом деле не является таковым: все географические регионы загружены национальными социальными историями, которые неразрывно связаны с дискурсом идентичности. Вместо того, чтобы пытаться обойти эту «территориальную ловушку», отказываясь от достоинства этатистского геополитического дискурса, следует заглянуть в нее глубже, исследовать не только то, как она ограничивает наше мышление, и подкашивает наш потенциал для критики, но и то, как она воспроизводится.

Имперская геополитическая идентичность островов была целостной концепцией не только Британии и ее места в мире, но и исчерпывающим описанием самой международной обстановки. Благодаря геополитике морской империи, островная идентичность была полноценной «системой смысла», которая превзошла простые утверждения о пространстве, преобразуя экономическую, политическую и культурную среду в глобальных масштабах. Это неудивительно в том смысле, что Британская империя была и остается самой большой из всех, что когда-либо знал мир. Но в ее масштабах и сложности была также встроенная гибкость, которая, возможно, может быть воплощена в понятии британского внешнеполитического прагматизма. Под этим Виттакер подразумевает, что дискурс британского империализма был настолько широк, что онтологически «справлялся» практически с любой ситуацией. Несмотря на то, что Империя стала ничтожной, британские лидеры продолжали описывать мир и место Британии в нем в глобальном смысле, а Британию – как носитель уникальной истории. Самобытность острова, которая сохранилась за пределами Империи, оказалась

удивительно адаптируемой к перипетиям середины и конца двадцатого века и далее.

Виттакер утверждает, что идентичность не ослабляется и не усиливается в результате столкновений с современными контекстами, но вместо этого она воссоздается заново. Британской внешней политике нужно состояние равновесия, при котором проблема или событие уравнивается идентичностью острова. Она действительно сделала возможным выход Соединенного Королевства из Европейского Союза. Однако достижение ее разными способами не создает политических позиций, а скорее делает возможными дебаты путем определения и обеспечения их условий и параметров. «Островность» может показаться недостойной серьезного внимания, множество нюансов и подводных камней делает ее достойной целью для исследований, среди прочего, с использованием подходов критической геополитики.

Автор обзора: Диденко Д.Ю.

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС КАК КОНФЛИКТ ИЗ-ЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО, ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОРЯДКА И СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕ

«The Ukraine Crisis as a Conflict over Europe's Political, Economic and Security Order» by Kristi Raik (Finnish Institute of International Affairs)

Geopolitics, Vol. 24, 2019 - Issue 1, p. 51-70

В данной статье анализируется конфликт между ЕС и Россией из-за Украины как столкновение между двумя взглядами на европейский порядок: либерального нормотворческого порядка, воспринимаемого и представленного ЕС, и стремления России к многополярному международному порядку, при котором крупные державы имеют право на привилегированную роль в своих соседних регионах. В работе проводится анализ между тремя измерениями данного конфликта: во-первых, нормами и ценностями политического порядка; во-вторых, нормами, регулирующими экономическую деятельность; и в-третьих, европейским порядком безопасности и, в более широком смысле,

нормами международной безопасности. По каждому из них между ЕС и Россией имеются глубокие разногласия. В основе конфликта лежат нормы и ценности Европейского порядка, который определяет, в частности, место Украины в Европе. Рассматривая три различных проблемных области как часть единой, более широкой структуры битвы между либерализмом и реалистической геополитикой, в статье подчеркиваются широкие масштабы конфликта и взаимосвязь между политической, экономической динамикой и динамикой безопасности.

Конфликт из-за политического порядка

Контраст между моделью демократии ЕС и все более авторитарной системой России является ключевым фактором, способствующим нарастанию напряженности между ЕС и Россией по поводу их общего соседства и за его пределами. В то же время дрейф в сторону реалистического геополитического соперничества в подходе ЕС, который был замечен в течение 2013 года, показывает, что либеральный нормативный подход из всех сил пытается оставаться рабочим, когда сталкивается с крупной державой, преследующей программу с нулевой суммой. Важность внутривнутриполитической динамики и восходящих требований, как правило, забывается или преуменьшается, когда кризис оформляется как геополитический конфликт между Западом и Россией. Геополитическая структура игнорирует чаяния и выбор стран «между ними». Соседи России на постсоветском пространстве, независимо от их основной внешнеполитической ориентации, стремятся развивать более тесные связи с ЕС. Из посткоммунистических стран некоторые вступили в ЕС, другие (на Западных Балканах) находятся в процессе расширения, третьи вошли в Восточное партнерство, а остальные имеют более ограниченные связи с ЕС. Важность внутренних изменений, особенно политических систем и ценностей, для отношений каждой страны с ЕС является фактором, который упускается из виду в реалистическом геополитическом подходе. С другой стороны, успех расширения на восток создал нереалистичное понимание «преобразующей силы» ЕС. Исследования демократизации обычно подчеркивают первостепенное значение внутренних факторов для процессов демократизации. И Оранжевая революция, и Евромайдан произошли в первую очередь потому, что украинцам надоело их коррумпированное и неэффективное

руководство. Евромайдан радикализировался, когда протестующие были возмущены насильственной реакцией режима на демонстрации. Потребность в более честной и справедливой политической системе была доморощенной, в то время как ЕС предоставил модель и поддержку (хотя и ограниченную), чтобы помочь стране двигаться в этом направлении. В отношениях ЕС-Украина политические реформы, основанные на принципах демократии и верховенства закона, играли центральную роль в соответствии с требованиями, предъявляемыми гражданским обществом Украины.

Экономическая интеграция

Евросоюз по-прежнему недоверчиво относится к идее общего экономического пространства «от Лиссабона до Владивостока», и экономическое обоснование такого видения было омрачено нарушениями Россией международных норм и потерей доверия. Установление официальных отношений с ЕАЭС привело к разделению мнений внутри ЕС. Идея была выдвинута некоторыми лидерами ЕС (такими как председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер и министр иностранных дел Германии Франк-Вальтер Штайнмайер) как способ помочь разрешить кризис вокруг Украины. В то же время, однако, исключена возможность совершения такого шага до тех пор, пока Россия продолжает свою военную деятельность на Донбассе (при этом отрицая ее). Уступка в этом отношении может быть истолкована российской стороной как фактическое признание доминирования России и ее методов принуждения на постсоветском пространстве.

Порядок европейской безопасности

Самый фундаментальный и опасный слой разногласий между ЕС и Россией состоит в их различном видении европейского порядка безопасности. Цель России укрепить собственную сферу влияния, однако ЕС продолжает отвергать саму идею сфер влияния, а значит, и логику реалистической геополитики. Украинский кризис послужил кристаллизацией критики ЕС и Запада: Россия преследовала свои амбиции на постсоветском пространстве нелегитимными средствами, нарушая международные нормы, которым она обязалась следовать, применяя принудительные меры, включая военную силу, и отказывая странам в праве на самоопределение. Усиливающаяся российская

политика в отношении общего соседства, особенно война в Грузии в 2008 году, сыграла роль в решении ЕС начать программу Восточного партнерства. Война рассорила другие страны региона и усилила их стремление к более тесным связям с ЕС в качестве противовеса напористости России. Реакцией ЕС было развитие более тесных связей со всем регионом. Эта цель вступила в противоречие с новым акцентом России на усилении региональной интеграции под руководством Москвы. Имело место несоответствие между акцентом ЕС на внутренних реформах и тенденцией соседей уделять приоритетное внимание соображениям безопасности. Реакция ЕС на аннексию Крыма и войну на востоке Украины в значительной степени зависит от его экономической мощи. Впервые в истории ЕС применяет сильные экономические санкции против крупной державы и важного экономического партнера. Санкции направлены на изменение поведения России по отношению к Украине. Они не остановили незаконное присутствие России на Донбассе и участие в войне, но они, возможно, помогли затормозить дальнейшую агрессию. Санкции были связаны с дипломатической деятельностью, в частности с Минскими соглашениями, которые вряд ли будут реализованы, но это помогло успокоить ситуацию, хотя бы временно. Следующим ключевым элементом ответных мер ЕС является повышенное внимание к усилению «устойчивости» стран Восточного партнерства посредством институционального строительства, особенно в таких областях, как реформа сектора безопасности и защита границ. В совокупности эти меры в краткосрочной перспективе проигрывают, когда сталкиваются со значительным применением военной силы. Однако в более долгосрочной перспективе сильная зависимость России от военной мощи может стать неустойчивой.

Таким образом, политика ЕС в отношении Восточного соседства вступила в противоречие с целями и способами действий России по трем параметрам, анализируемым в этой статье: политический порядок, экономический порядок и порядок безопасности. Пока контраст между политической и экономической системами ЕС и России остается таким же резким, как и сегодня, странам-участницам практически невозможно одновременно интегрироваться в обоих направлениях. Разногласия по

поводу порядка безопасности отражают различия между двумя типами политического и экономического порядка.

Автор обзора: Одинец А.А.

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ГРАНИЦЫ КИТАЙСКО-ПАКИСТАНСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОРИДОРА

*«The Moving Border of the China-Pakistan Economic Corridor» by Alvin
Cheng-Hin Lim (International Public Policy Pte. Ltd.)*

Geopolitics, Vol. 24, 2019 – Issue 2, p. 487-502

Инициатива председателя КНР Си Цзиньпина «Belt and Road Initiative» (BRI) привлекла внимание в последние годы, поскольку она представляет собой особый режим глобализации, возглавляемый Китайским государством. Статья Элвина Ченг-Хин Лима «*The Moving Border of the China-Pakistan Economic Corridor*» посвящена одному из показательных проектов BRI - китайско-пакистанскому экономическому коридору (СРЕС), инфраструктура и инсталляции которого в настоящее время строятся по всему Пакистану.

В начале статьи автор рассуждает о понятии «граница», приводя различные толкования этого термина. В итоге он приходит к заключению, что СРЕС, с его постепенным расширением через Пакистан, можно рассматривать как движущуюся границу, которая привносит различия на территории, на которые она распространяется. Столкнувшись с вопросом, как проанализировать изменения, возникающие в результате установления границ, автор обращается к знаменитому анализу Арджуна Аппадурая пяти, так называемых, «горизонтов» (scapes) глобализации, предлагая его как альтернативу обычной трехсторонней демаркации «социального, экономического и политического» по Джону Агню. Таким образом, вслед за Аппадурая, автор предлагает нам рассмотреть изменения, сопровождающие расширение СРЕС, как совокупность пяти взаимосвязанных элементов, а именно: «этноландшафт» (ethnoscape), рассматривающий подвижные

категории населения: туристы, иммигранты, беженцы, гастарбайтеры, и др., которые составляют человеческий капитал глобальных потоков; «техноландшафт» (technoscape), посвященный потокам и распределению технологий; «финансовый ландшафт» (finanscape), фокусирующийся на глобальных потоках финансового капитала; «медиа ландшафт» (mediascape), который рассматривает аудио-визуальные материалы, распространяемые через глобальные каналы СМИ; и «идеоландшафт» (ideoscape), основанный на идеях и идеологиях, распространяемых посредством глобальных потоков медиаконтента и людей. Вслед за автором остановимся чуть более подробно на каждой области изменений.

«Техноландшафт». По итогам реализации проекта СРЕС, техноландшафт будет состоять из модернизированной и расширенной сети автомобильных и железных дорог, новых нефте- и газопроводов, новых электростанций, усовершенствованной и расширенной электрической сети, новой улучшенной инфраструктуры связи, включая установку волоконно-оптического кабеля, а также новых промышленных зон, которые будут производить экономическую активность, что в свою очередь увеличит использование новой инфраструктуры. Нефтепровод СРЕС, в частности, обеспечит Китай географически самым коротким маршрутом для импорта нефти из Африки и Ближнего Востока. Автомобильные (рис. 1) и железные дороги СРЕС также предоставят логистическим компаниям привлекательную альтернативу все более перегруженному морскому пути через Малаккский пролив, причем новый сухопутный маршрут потенциально сократит время доставки вдвое. «Техноландшафт» СРЕС также будет включать в себя ряд новых электростанций, работающих на угле и экологически чистых носителях, включая ГЭС, ветровые и солнечные электростанции, что позволит Пакистану удвоить свои мощности по производству электроэнергии. Это особенно важно, поскольку одним из основных препятствий на пути промышленного развития Пакистана является недостаточное снабжение страны электроэнергией. Как только СРЕС будет реализован, ожидается, что увеличение электроснабжения, доступность, обеспечиваемая новой транспортной инфраструктурой, а также занятость и бизнес-возможности, создаваемые новыми промышленными зонами, в

совокупности увеличат объемы экономической деятельности, которая может принести выгоду местным сообществам.

«Этноландшафт». Постепенное расширение границы СРЕС на территории Пакистана, будет все чаще приводить к неминуемым контактам между трудовыми мигрантами и местными общинами, а в некоторых случаях такой контакт может приводить к насильственному конфликту. Ярким примером этому является конфликт жителей Белуджистана (провинции, в которой располагается стратегический объект СРЕС – порт Гвадар) с СРЕС. Недоверие белуджей вызвано множеством причин, среди них и долгая история захвата и реорганизации традиционных белуджистанских земель внешними державами, и этнические различия между местными жителями и китайским «этноландшафтом», и страх белуджей перед потенциалом «этноландшафта» СРЕС потерять свою локальную идентичность, и недавно разоблаченное тайное проникновение китайских христианских миссионеров в Белуджистан под прикрытием СРЕС, и, наконец, белуджистанская агрессия против пакистанского государства и СРЕС, связанная с внешней эксплуатацией природных богатств Белуджистана, в которой участвуют китайцы. Белуджийские восприятие несправедливости является ключевым фактором, который вызвал у них негодование по отношению к СРЕС и его «этноландшафту», в результате чего, китайское развитие города Гвадар стало главным толчком для активизации сепаратистских волнений в регионе.

«Финансовый ландшафт». По мере реализации СРЕС Пакистан начал активно вовлекаться в китайскую финансовую систему. Правительство Пакистана оплачивает проекты СРЕС за счет кредитов китайских политических банков, а также китайских международных финансовых институтов. Хотя размер кредитов для инфраструктурных проектов BRI может быть большим, с точки зрения китайского правительства, они не должны быть обременительными для страны-должника. Однако с учетом огромной стоимости проектов СРЕС существует риск того, что они могут оказать негативное воздействие на экономику, если завершенная инфраструктура окажется неиспользованной. Здесь приходит на ум печальный опыт Шри-Ланки и Венесуэлы. Несмотря на политические и экономические риски, участие

Пакистана в китайской финансовой системе улучшило его положение в глобальной финансовой системе, благодаря притоку кредитов и инвестиций, финансируемых Китаем.

«Медиаландшафт» и «идеоландшафт». В то время, как Пакистанское государство осуществляет пропаганду очевидных преимуществ СРЕС для общественности через свои СМИ, джихадистские группы, такие как пакистанский Талибан, распространяют анти-СРЕС медиа-контент, через свои медийные интернет ресурсы. Эти конкурирующие «медиаландшафты» а также «идеоландшафты», которые распространяются через них, готовы охватить более крупные группы населения как в Пакистане, так и в регионе в целом, как только коммуникационная инфраструктура Пакистана будет обновлена и расширена в соответствии с СРЕС. Точно так же, как джихадистские боевики создают значительные угрозы насилия против пакистанцев и китайского «этноландшафта», джихадистские СМИ стремятся привлечь бойцов-добровольцев и призвать местное население к защите «уммы» (мусульманской общины) от угрозы со стороны иноверцев. В ответ на угрозы, исходящие от сепаратистских и джихадистских боевиков, пакистанское правительство создало 15-тысячную армейскую дивизию для защиты СРЕС, причем предполагается, что защитные военные силы будут расти.

В том случае, если СРЕС будет успешно завершен в Пакистане, он потенциально может расширяться за пределы Пакистана в более широкий регион, принеся вместе с его движущейся границей свои пять горизонтов глобализации, которые обещают значительные экономические и социальные преобразования.

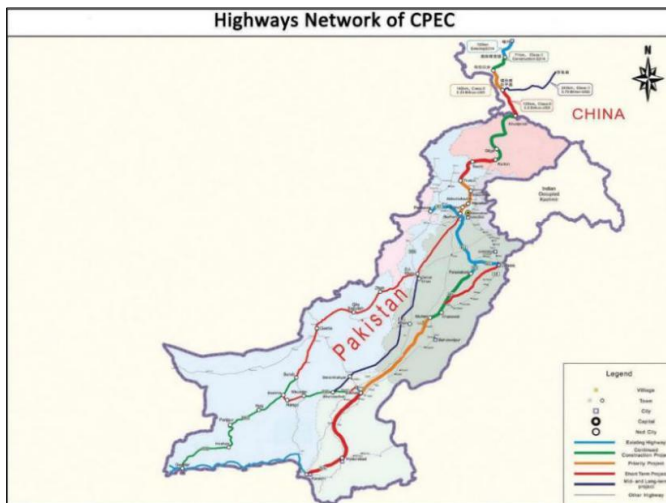

Рисунок 1. Сети автомобильных дорог СРЕС. Секретариат СРЕС, Исламабад, Пакистан.

Автор обзора: Панфилов Д.А.

«ОГНЕВАЯ МОЩЬ»: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ В АНТРОПОЦЕНЕ

*«Firepower: Geopolitical Cultures in the Anthropocene» by Simon Dalby
(Wilfrid Laurier University)*

Geopolitics, Vol. 23, 2018 – Issue 3, p. 718-742.

Вопрос о политической экологии является ключевым в современном мире, размышления об этом в рамках геополитики могут объединять адаптацию климата, вымирания и возможности распространения традиционного анализа науки на глобальный уровень.

Масштаб нынешних изменений окружающей среды сосредоточил внимание на преобразованиях геосистемы и на том, какие из них могут угрожать людям в будущем на глобальном уровне. В результате научных исследований по данному вопросу система «планетарных границ» с вытекающими из нее «безопасным рабочим пространством», формулирующем идеальные условия для человечества, стала шаблоном

для оценки самых потенциально опасных проблем перед всем обществом. Планетарные границы предполагают экологические и геофизические условия системы, в пределах которых человечество может процветать; вне этих параметров совершенно не ясно, как могут функционировать крупномасштабные цивилизации.

В статье Симон Дэлби определяет «границы» земной системы, как изменение климата, спровоцированное, в первую очередь, повышением уровня выбросов парниковых газов, и кризис биоразнообразия, вызванный антропогенной деятельностью с катастрофическими последствиями. Однако именно эти процессы могут привести земную систему к новой конфигурации, так как обе границы прямо или косвенно связаны вопросами горения. Геополитическое соперничество, борьба за господство и связанные с этим экономические практики, являются частью ключевых факторов изменения земной системы. Горение – это геофизический процесс, способствующий преобразованию большей части земной поверхности человечеством, и в процессе этого сдвинул параметры земной системы в новую геологическую эпоху.

Все новые обстоятельства медленно формируют геополитические культуры. Жерар Тоал определял геополитические культуры, как процесс видения мира государствами, как они его пространственно распределяют и вырабатывают стратегию в отношении фундаментальных задач (безопасность, модернизация, самосохранение идентичности). Эти культуры противодействуют инициативам по изменению климата из-за краткосрочных экономических интересов, а потому в основе вопроса горение, или «огневая мощь» может быть источником национальной мощи и культурного достижения в борьбе за статус великой державы или фундаментальной угрозой будущей экологической стабильности.

Огонь был важнейшим аспектом естественной истории задолго до появления человека. Процесс горения формировал распределение растений и животных и использовал продукты жизнедеятельности в качестве топлива, потому он стал ключевым фактором функционирования экосистемы. Уже после «одомашнивания» огня человеком тот стал использоваться во многих сферах жизни: в промышленности, в сельском хозяйстве и в быту. Огонь – неотъемлемая часть земной системы, процесс, имеющий многочисленные последствия,

но который зависит от условий наличия топлива, контекста и источника возгорания. Потому так важно, чтобы человечество взяло на себя частичный контроль над его исполнением, изменив географию топлива и поставив новые формы воспламенения в дополнение к природным – молниям, вулканам.

Сейчас происходит так называемый «*runic transition*», или «пирровой переход» Стивена Пайна, связанный с все более направленным использованием горения, переходом к интенсивной эксплуатации (от лесного пожара к инженерным процессам горения), к точному применению разработанных технологий. Огонь в настоящее время меняет ситуацию в глобальном масштабе за счет сжигания ископаемого топлива, обращая вспять долгосрочное связывание атмосферного углекислого газа в земле, а также ускоряя изменение климата. Рост использования ископаемых видов топлива знаменует собой новый этап в истории планеты, эволюция кардинально перестраивается, и промышленные силы прямо или косвенно определяют, какие направления затухают, а какие процветают.

Продуктивные и деструктивные возможности горящего вещества могут изменять и формировать окружающую среду, а также реорганизовывать экологический контекст конкретных сообществ и более крупных экосистем. Вымирание на сегодняшний день является как вопросом биологии, так и геополитики. Из-за новой энергии экологическая система Земли постоянно меняется, заменяя биологическое разнообразие на множество машин, поэтому эксперты начали говорить о новой геологической эпохе – антропоцене, преемнице плейстоцена. Антропоцен – эпоха, определяемая изменением окружающей среды, вызванным деятельностью человека с начала промышленной революции.

Все обсуждения, связанные с вопросами о будущей материальной конфигурации планеты, согласовываются с процессами горения для питания всевозможных машин, производственных систем и зданий. Это предполагает расширение человеческой ниши, во время которого идет эффективное формирование биосферы посредством реорганизации. Ключевое значение имеет та преобразующая роль ископаемых видов топлива, сыгравших в масштабном развитии, после которого определяют

доминантов использования природного топлива. Это ведет к рассмотрению специалистами геополитики того, как будет формироваться будущее планеты и в чьих интересах.

Сосредоточение внимания на горении позволяет нам понять геофизические процессы настоящего времени с точки зрения нашего повторного объединения многочисленных сущностей и резкого перемещения видов в новые географические структуры, чтобы расширить нашу экологическую нишу. Именно такое увеличение численности ставит под угрозу ниши многих других видов и в настоящее время приводит к росту темпов вымирания. В рамках этого понимания географических изменений, вызванных пожаром, должны быть приняты важнейшие решения о том, что делать и как формировать ландшафты. Охрана природы все чаще обращается к тому, что происходит «после природы», и как дикая природа перестраивается в новых условиях искусственных ландшафтов.

Растущий международный консенсус в отношении того, что изменение климата требует срочного внимания, предполагает, что будущее глобальной мощи будет формироваться государствами, использующими новые возможности, открывающиеся для переделки ландшафтов после сжигания. Распространенная точка зрения, что человечество переделывает планетарные системы, все больше заставляет обратить внимание на то, чтобы не допустить выхода за пределы двух границ земной системы. Новые геополитические конструкции необходимы для замены нынешней конкурентной глобализации, основанной на ископаемом топливе. Дальнейшее регулирование горения – и в процессе этого – развитие долгосрочных отношений человечества с ключевым геофизическим процессом, связанным с изменением климата, – это то, что должно быть принято во многих местах и в ближайшие десятилетия, если человечество хочет жить в пределах своих планетарных границ. Формирование следующей стадии пиролизного перехода для резкого ограничения горения является ключом к экологическому разнообразию и к климатической стабильности.

Автор обзора: Родионова А.Я.

ПОСМЕЕМСЯ НАД ЭТИМ: ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ И АФФЕКТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВА ЮМОРА В ГЕОПОЛИТИКЕ МИГРАЦИИ

«Laughing about It: Emotional and Affective Spaces of Humour in the Geopolitics of Migration» by Jared P. Van Ramshorst (Syracuse University)

Geopolitics, Vol. 24, 2019 – Issue 4, p. 896-915.

Может ли юмор каким-то образом быть связан с геополитикой? Кажется, что ответ на этот вопрос однозначен. Так же считает и Джаред П. ван Рамхорст, опубликовавший в журнале *Geopolitics* статью под названием *Laughing about It: Emotional and Affective Spaces of Humour in the Geopolitics of Migration*. В ней он рассматривает то, как через чувство юмора отражаются геополитические процессы и как шутки, удачные или нет, порождают за собой геополитические последствия. Основной его интерес был прикован к беженцам из Центральной Америки, с которыми он встречался лично, ведь для людей в столь тяжелом положении чувство юмора может порой оказываться спасением. Показывая на реальных примерах, как оно помогает людям не терять веру в себя и в будущее, Рамхорст доказывает всю серьезность такой, на первый взгляд, несерьезной темы.

Говоря о роли юмора в геополитике, исследователь предлагает изучить его влияние через массовую культуру. Он обращается к мировосприятию молодежи как важнейшей социальной группы, отмечая, что оно формируется по большей части через блокбастеры, телевизионные шоу, обсуждая которые, молодые люди применяют к ним свое ощущение геополитической действительности. Таким образом, политические комиксы и карикатуры, политические скетчи на телевидении и в интернете являются наиболее эффективной формой преобразования геополитической информации в общедоступный формат. Более того, этот формат давно и достаточно успешно используется крупнейшими мировыми СМИ, так что, можно сказать, что именно такая подача геополитики является привычной для обывателей.

С другой стороны, Рамхорст также отмечает, что геополитический юмор может не только отражать, но и запускать геополитические процессы. Наиболее известный пример – карикатуры французской

«Шарли Эбдо» на пророка Муххамада, повлекшие за собой сверхнегативную реакцию исламского мира и осуждение со стороны европейских правительств. Таким образом, юмор и популярная геополитика, по его мнению, не являются разделенными понятиями, а дополняют друг друга и помогают воссоздать геополитическую картину мира.

Изучая поведение беженцев, Рамхорст акцентировал внимание на том, что рассматривает его как сочетание осознанного проявления эмоций и бессознательной реакции на психологическом уровне. Это важно, так как большинство исследователей до него брали за основу только один из этих аспектов. Он же отмечает, что беженцы и сознательно, через шутки и улыбки, подбадривают друг друга, и порой бессознательно реагируют на «резко меняющиеся правила игры», когда на рациональную реакцию у них не остается времени.

Особенно ценно, что его исследования происходили в полевых условиях –, ученый провел достаточно много времени в убежище беженцев и рядом с ним, часто деля с ними быт, по возможности помогая им и, конечно, лично общаясь с ними. Таким образом, ему удалось собрать несколько историй, показывающих, как мигранты относятся к своему нелегальному положению, ограниченности в средствах передвижения и сложностям, с которыми сталкиваются в повседневной жизни. Подытоживая, Рамхорст называет юмор «светом», освещающим нелегкий путь беженцев из Центральной Америки на север, помогающим им справиться со всеми его невзгодами.

Исследователь ставил целью своей работы показать, как среди жестокости и насилия, с которыми каждый день сталкиваются беженцы в Центральной Америке, юмор становится инструментом объединения для них, благодаря которому они могут с иронией говорить об окружающих их страшных вещах и доносить их до нас на наиболее доступном нам языке. Но главное, Рамхорст стремится показать «человеческое лицо» беженцев, которое часто меркнет на фоне новостей о преступлениях и жестокости среди них. Он считает, что юмор может стать инструментом объединения для них, помочь им делиться опытом о трудностях их пути на север и между собой, и с остальным миром.

Понятно, почему исследователь обращает внимание именно на беженцев в контексте своей работы. Тема мигрантов в развитых странах на сегодняшний день является одной из наиболее злободневных, в том числе и для США. Причем если в европейской ситуации есть несколько стран, принимающих на себя основное число миграционных потоков, то в англо-саксонской Америке они делятся, по сути, между Штатами и Канадой, и подавляюще большая их часть достается первым. Из заявлений президента США Дональда Трампа очевидно, что отношение к мигрантам на государственном уровне имеет тенденцию к ухудшению, в особенности в отношении тех, кто попадает на территорию Штатов через мексиканскую границу. Конечно, принимая такие решения, он руководствуется геополитической стратегией своей страны, рассматривая поток беженцев как единую огромную массу людей, чужих для своей страны. Но при таком подходе политические решения пренебрегают тем, что они направлены не на безличную толпу, а на каждого человека, принадлежащего ей, на его судьбу. И вот поэтому очень важно не забывать, что беженцы в их положении остаются обычными людьми, точно также способными к простым человеческим эмоциям, чувствам, имеющими ровно столько же прав на жизнь, свободу и передвижение, сколько и американцы, русские или немцы. Показывая это на примере юмора, Рамхорст пытается сказать, что, говоря о беженцах, мы ни в коем случае не должны забывать, что они в первую очередь люди, которым по воле судьбы приходится наиболее остро ощущать все изменения геополитической картины мира.

В целом же, данное исследование доказывает значимость несерьезных на первый взгляд аспектов для современной геополитики. Понятно, что для девяти исследователей в области геополитики из десяти юмор – последнее, на что они обратят внимание. Тем не менее, такие простые для понимания аспекты помогают в доступной форме показать и объяснить достаточно сложные процессы, происходящие в мире. Поэтому главный глобальный вывод, который можно вынести из данной статьи – нельзя пренебрегать ни одним фактором в геополитических исследованиях, даже если на первый взгляд они кажутся смешными.

Автор обзора: Туркин В.А.

МАЛАЯ ДИПЛОМАТИЯ: КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР СМЯГЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ. СЛУЧАЙ ЛЬВОВА И ЕГО ПОЛЬСКИХ ГОРОДОВ-ПАРТНЕРОВ

«Small Diplomacy: Cultural Cooperation as a Factor Alleviating Societal Tensions. The Case of Lviv and Its Polish Partner Cities» by Klaudia Nowicka¹, Iwona Sagan² and Dominika Studzińska³ (^{1,2,3}University of Gdańsk)

Geopolitics, Vol. 24, 2019 – Issue 3, p. 565-585

Малая дипломатия является проявлением сотрудничества между нациями на местном уровне. Идея городов-побратимов («partner cities», «twin towns» или «sister cities») – вариант сотрудничества, способствующий интеграции, поскольку сотрудничество городов может быть решающим фактором в развитии многоэтнической толерантности. Развитие взаимоотношений между польскими и украинскими городами берет свое начало с советского времени. Сейчас сотрудничество между ними довольно интенсивное (в 2014 уже было 193 соглашения о побратимстве), и проявляется оно как в традиционных сферах (спорт, культура, обмен студентами), так и в современных (экономическое сотрудничество и обмен опытом в сфере местного управления). Так как идея городов-побратимов направлена на сближение людей, то это может быть использовано для смягчения социальных конфликтов, существующих между Польшей и Украиной.

История взаимоотношений между странами довольно богата событиями, которые в большей или меньшей степени привели к существующим конфликтам. Но годы сотрудничества и многие другие инициативы, направленные на восстановление отношений между странами, улучшили ситуацию. Спустя полвека после кровавых событий Второй Мировой войны лишь небольшая часть опрошенных в 2013 году респондентов из Украины и Польши обвиняет другую страну в начале конфликта. Большинство (50% опрошенных со стороны Польши и 33% - со стороны Украины) считают, что в этом виновны обе страны. При этом опрошенные утверждали, что жители обеих стран похожи друг на друга, имеют одинаковые ценности и сходный образ жизни. Несомненно, трансграничное сотрудничество, основанное на культурной близости и

сходстве, может быть важным инструментом смягчения существующего конфликта.

Для изучения влияния культурного сотрудничества между городами-побратимами на улучшение отношений между народами были выбраны украинский Львов, а также 6 его польских городов-побратимов: Вроцлав, Люблин, Жешув, Лодзь, Пшемисль и Краков. Эти города имеют давние традиции сотрудничества. Львов был выбран не случайно, так как именно этот город имеет особое значение как для украинцев, так и для поляков, что является результатом исторических событий прошлого (рисунок 1). Когда-то польский, а теперь украинский, Львов по-прежнему является главным центром польской культуры и общественной жизни Украины.

Само исследование основывалось на результатах интервью-опросов, проводимых Институтом по внешним связям в 2013-2015 гг. среди представителей органов местной власти всех выбранных городов, Генерального консульства Польши во Львове, отвечающего за культурное сотрудничество между городами, а также других организаций и консульств. Схема интервью включала 9 вопросов по трем направлениям: 1. культурное сотрудничество как часть малой дипломатии, на которую влияют как институционализированные, так и восходящие инициативы; 2. элементы польской и украинской культур, широко пропагандируемых во время культурных мероприятий; 3. социальное восприятие событий и самого культурного содержания. Тематика культуры была выбрана неспроста. Первоначальный прорыв в польско-украинском конфликте был достигнут именно через диалог в сфере культуры. Важен и тот факт, что никто из опрошенных не упоминал того, что конфликт между Украиной и Польшей препятствует культурному сотрудничеству.

За годы развития культурного партнерства было установлено множество различных форм сотрудничества. Результаты проводимой работы в 2013-2015 годах позволили определить аспекты сотрудничества, которые можно объединить в две группы: организационная (внутренняя), касающаяся людей, вовлеченных в культурную сферу (например, проведение семинаров, конференций, мероприятий по реставрации и установке памятников и тому подобные мероприятия), а также внешняя,

направленная на популяризацию культуры и предназначенная для простых граждан (концерты, спортивные мероприятия и так далее). Подробнее с мероприятиями и городами, проводящими их, можно ознакомиться в таблице 1. При этом по интенсивности сотрудничества можно выделить три группы городов-партнеров Львова: «крупные игроки» (Вроцлав, Лодзь, Краков), вступающие в сотрудничество со Львовом, когда им необходим восточный партнер в проектах, софинансируемых ЕС, реальные партнеры (Люблин и Жешув), сотрудничающие по многим аспектам, а также «малые игроки» (Пшемысль), принимающие участие только в инициативах на местном уровне.

Также в исследовании были определены препятствия для культурного сотрудничества, которые преимущественно были связаны с украинской стороной: отсутствие современных и эффективных программ для детей и молодежи, нехватка денег на культурные проекты, отсутствие долгосрочного планирования и многое другое. Однако сотрудничество в сфере культуры интенсивно развивается во всех выбранных городах.

Все те мероприятия, которые проводятся городами-партнерами, приводят к ослаблению напряженности в отношениях между поляками и украинцами. Случай с проведением Европейских дней добрососедства на пограничном пункте Мальховице – Нижанковице, в которых участвуют Пшемысль и Львов, показывает, что такое взаимодействие может иметь и физический эффект, так как сцена во время этого мероприятия располагается прямо на границе (на «ничейной земле» между границами государств). Это показало, что культурное сотрудничество может значительно изменить пространство на момент мероприятия. Подобные мероприятия, объединяющие местных жителей и дающие толчок для создания дружественных отношений, проводятся через польско-украинскую границу и с участием других городов и регионов. Все это способствует созданию «культурных мостов». Культура обеспечивает особенно благоприятную почву для контактов, которые ослабляют историческую напряженность и открывают платформу для диалога между сторонами.

Рисунок 1. Исторические изменения границ Польши

Таблица 1. Наиболее важные примеры взаимоотношений между Львовом и польскими городами-партнерами.

Размер сотрудничества	Форма сотрудничества	Пример	Вовлеченные города-партнеры
Организационный (внутренний)	Туристическая инфраструктура	Проект подземных городов	Львов, Люблин, Жешув
	Реставрация и сохранение памятников	Конференции, учебные курсы и семинары, организованные Краковом для сотрудников мэрии Украины	Львов, Краков
	Установка памятников	Установка памятника во Вроцлаве в 2011 году, чтобы почтить память убитого профессора из Львова	Львов, Вроцлав
	Семинары	Сбор средств ЕС	Львов, Лодзь
		Сохранение памятников	Львов, Краков
		Развитие туризма	Львов, Жешув
	Конференции	Культура Восточного партнерства (2013)	Львов, Люблин
	Семинары	Доклад о состоянии культуры и неправительственных	Львов, Люблин

		организациях на Украине (2012)	
	Публикации	Стратегия трансграничного сотрудничества 2007 – 2016 (2007)	Львов, Люблин
		Опыт реализации культурных проектов в Люблине, Львове, Луцке и Ивано-Франковске (2015)	Львов, Люблин
Популяризованная культура (внутренний)	Концерты	Европейский День Добрососедства	Львов, Пшемысль
		«FortMission»	Львов, Пшемысль
		«Jazz Bass»	Львов, Пшемысль
	Выставки	Философия моды, Неделя моды в Польше	Львов, Лодзь
		День Европы (граффити)	Львов, Люблин, Жешув, Пшемысль
	Крупные события	Культурный рынок	Львов, Лодзь
		Фестиваль сотрудничества	Львов и все польские города-партнеры
	Фестивали	Обзор текущего польского кино	Львов, некоторые города-партнеры
		Международный фестиваль украинского театра	Львов, Краков
		Международный танцевальный фестиваль – Народные Вдохновения	Львов, Лодзь
	Соревнования	Карпатский фестиваль	Львов, Жешув
	Проекты ЕС	Программа культуры Восточного партнерства	Львов, Люблин
	Другие проекты	Закрытые ото всех. Три культуры, одна Европа.	Львов, Люблин
		Открытый Львов	Львов, Люблин
	Спортивные мероприятия	Мост сотрудничества Жешув-Львов	Львов, Жешув

	Культурное образование	International Bridge Tournament: программы по обмену студентами	Львов и все польские города-партнеры
--	------------------------	---	--------------------------------------

Автор обзора: Чуева Д.С.

ПРЕДИСЛОВИЕ: ВОЗВРАЩЕНИЕ СФЕР ВЛИЯНИЯ?

«Introduction: The Return of Spheres of Influence? »

By Lain Fergusona¹ and Susanna Hast² (¹National Research University Higher School of Economics, ²Aleksanteri Institute)

Geopolitics, Vol. 23, 2018 – Issue 2, p. 277-284

В марте 2014 отношения между Москвой и Западом погрузились в самый глубокий кризис с времен холодной войны. Причиной стало присоединение Крыма к России. А реакция на Украинский кризис стала ключом для понимания, по какой причине «сферы влияния» стали темой для политических разговоров, которые меняют наше представление о прошлом, настоящем и будущем.

Через несколько дней после референдума о присоединении Крыма к России, А. Меркель высказалась о том, что Россия пытается восстановить свое влияние на постсоветском пространстве, отметив что первым шагом стала ситуация в Грузии в 2008 году. Эту позицию также поддержали многие сверхдержавы. А запланированная встреча G8 была перенесена из Сочи в Брюссель, куда Россию не позвали.

С резкой критикой по отношению к России выступил и президент США Б. Обама. Так после встречи с украинским главой государства в 2014 году он обвинил Российскую Федерацию в подрыве суверенитета соседа путем «темной тактики», а в 2016 году отметил использование той же тактики в Сирии. Особо мнение не поменялось и у администрации Д. Трампа, которая отметила, что это только начало.

Как можно понять, Запад очень сильно обеспокоен политикой России. Отметив, не только возвращение сфер влияния в XXI веке, но и

нарушение мира Российской Федерацией, который установился после окончания холодной войны.

Марк Галеотти считает, что «теневая тактика» – это отрицательный аналог «мягкой силы», который является способом запугивания.

Сейчас для Запада Россия под руководством Путина – главный злодей, который угрожает мировой стабильности. Так на первой полосе одного влиятельного журнала он был изображен осьминогом, вмешивающимся в западные дела. И характер, который появляется из заявлений западных лидеров и политиков, также имеет очертания монстра. Путинская Россия – «темный принц» международных отношений.

Темные времена возвращаются?

Разговоры про «сферы влияния» далеко не новы. А Россия представляла угрозу для Запада в прошлом, представляет ее сейчас и будет представлять в будущем.

Есть 2 предложения, которые достойны внимательного рассмотрения. Первое – причиной сфер влияния являются стремления к гегемонии одной из главных сил. Вторая – данное стремление сказывается на независимости и территориальной целостности «государств-клиентов».

Вообще сложившееся мнение о роли России во всей этой ситуации настолько доминирует, что мало кто пытается противостоять ему. Тем не менее, мы также признаем, что для более глубокого взгляда на сферы влияния нам нужно начать с фокуса нынешнего дискурса. То есть мы также должны сосредоточиться на России. Мы делаем это не потому, что хотим закрепить связь между Россией и этой концепцией. А для того, чтобы бросить вызов западному мнению, который упрощает сферы влияния как концепцию и практику геополитики, и изображает Россию как злое и чудовищное «другое».

Сейчас о сферах влияния очень мало познаний, большая часть которых относится к временам Холодной войны. Чтобы создать новое мнение, нужно выйти за рамки XX века. Так борьба за влияние над Украиной между Россией и Евросоюзом началась еще в Средневековье.

Из некой средневековой попытки создать неделимый порядок безопасности между ЕС и международными границами России возникла

новая форма сфер влияния, которая приводит к дублированию полномочий и, в итоге, нестабильности и насилию вместо безопасности в Украине.

Джоанна Шостек, изучая как местная элита реагирует на действия России, отметила, что РФ не смогла разработать последовательной стратегии использования средств массовой для создания сфер влияния.

Михаил Суслов пишет о том, как сферы влияния встраиваются в концепцию «русского мира», которая в настоящее время становится всеохватывающей идеологией. Суслов не воспринимает концепции и их историю как должное, утверждая, что «русский мир» не всегда был просто синонимом неоимпериалистических стремлений России на постсоветском пространстве. Эти сферы влияния как продукт российской консервативной критики глобализации и смены режима, ведомой США.

Наталья Морозова продолжает исследование российского дискурса о сферах влияния, уделяя особое внимание использованию концепции «гуманитарного сотрудничества» в Содружестве Независимых Государств (СНГ). Она раскрывает три различных значения «гуманитарного сотрудничества», используемых Россией: буквальное, ассоциативное и символическое. Морозова, основываясь на работах бельгийцев Лакло и Муффа, говорит о том, что российское влияние на СНГ ослабевает и то, что страны этого региона все сильнее будут отдаляться от России.

Фелиппо Коста-Бурanelли, изучающий Центральную Азию, отметил, что страны хоть и учитывают мнение России, ведут политику, направленную на собственные интересы, независимые от соседа.

Стефани Ортман задумывается, можно ли считать сферы влияния полезной концепцией для понимания геополитики постсоветского пространства. Она утверждает, что эта концепция имеет важное значение для государства и опирается на одномерный учет того, как власть действует в политическом пространстве. Эту концепцию необходимо заменить или, по крайней мере, дополнить инструментами, которые лучше подходят для анализа множественных и разных политических пространств. Обсуждая стремление России к влиянию в Кыргызстане, она показывает, как политическое пространство и власть в российских и

киргизских мифах рождаются способами, которые менее объединяющи и стабильны, чем предполагает логика сфер влияния.

Сюзанна Хант, являющаяся автором книги «Сфера влияния: история, теория и политика» подвергает сомнению взгляд на то, что сферы влияния - подтверждение гендерного строения общественной политической жизни.

Эти взгляды показывают новые углы на сферы влияния. Причем при всем своем разнообразии они имеют общие черты. Так они критикуют предвзятые и упрощенные взгляды, которые преобладают на Западе. Эта критика пришлась кстати, так как эта концепция использовалась для усиления напряжения между Западом и Россией, драматизируя кризис и приближая к новой холодной войне.

Учитывая ограниченные ресурсы, авторы данной статьи надеются на то, что другие ученые перенесут данную проблему в новые географические и геополитические контексты, раскрыв больше точек зрения на эту тему.

Автор обзора: Якунинских Е.А.